

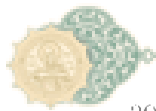

Душевное спасеніе, какъ величайшее благо и радость жизни. ¹⁾

Едва-ли въ какое-нибудь иное время болѣе, чѣмъ въ настоящее, съ болышею силою сознавалась нами непрочность и тѣнность всѣхъ нашихъ земныхъ пріобрѣтеній, всѣхъ матеріальныхъ интересовъ: широкая и необычайно объемистая и длительная волна нашествія иноплеменишниковъ невольно ставитъ подь сомнѣніе возможность какой-нибудь неприкосновенности нашей къ общей всемірной бѣдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною яркостію доказывая намъ неотвратимость, во время и сроки не по нашему выбору, ликвидаціи нашихъ земныхъ дѣлъ.

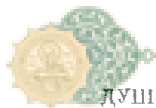
Не думаю, чтобы было время наибольшаго обезцѣненія нашей физической личности и блага нашего тѣла, какъ переживаемая нами страдная военная чреда, когда не только люди, свободно избравшіе для себя доблестное званіе воинское, или несущіе на себѣ обычный, закономъ установленный и нашимъ созваніемъ безтрудно принимаемый жребій подьятія меча для охраны блага мирнаго труда и благоденственнаго житія, но и обычные трудники мирнаго правленія дѣлами страны, и избравшіе себѣ удѣлъ науки и самоусовершенствованнаго подвига мѣняютъ мирный посохъ на мечъ воинственнаго, оставляя любимыя семьи и дорогія привязанности, колебля привычный жизненный режимъ и неизбежно подвергая себя тяготамъ ратнаго труда.

¹⁾ Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі, на тему: „Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія. Въ двухъ частяхъ съ приложеніями“. Кіевъ 1915 г.

Но немалыя испытанія терпитъ и нашъ духовный человекъ, немалыя трудности переживаетъ и наше религиозно-нравственное сознание. Умалются въ славѣ своей храмы Божіи, сокращается ихъ внѣшнее благолѣпіе, красота и полнозвучность богослужебнаго чина. Невыносимо страдаетъ наше нравственное сознание въ сколько-нибудь яркомъ представленіи 20-тмѣсячнаго кроваваго ожесточенія человѣческаго, съ ужасами трупныхъ брустверовъ, окровавленныхъ рѣкъ, безысходной массовой смерти подъ сплошнымъ огненно-свинцовымъ дождемъ, или въ ползущемъ облакѣ удушающихъ газовъ. И наше нравственное сознание страдаетъ не потому лишь, что невыносимо кошмарна сама по себѣ жизненная дѣйствительность: ужасно *прошлое* съ его ошибками и смертными грѣхами противъ правды Божеской и человѣческой, невыносимо *настоящее* по его крайней, повидному, напряженности, невѣрно и смутно ближайшее *будущее* съ его превышающими, повидному, человѣческое разумніе задачами, — но и потому страдаетъ нашъ духовный человекъ еще болѣе, что смертную борьбу другъ съ другомъ ведутъ *христіанскіе* народы, что въ этой борьбѣ поспранными оказываются совѣсть и долгъ, уничиженною являється христіанская мораль, истина подмѣнена ложью, кривда часто торжествуетъ надъ загнанной правдой, посрамленными кажутся вѣра и христіанское упованіе, и съ разныхъ концовъ просвѣщеннаго, но грѣховнаго и ветшающаго христіанскаго міра несутся къ Творцу міровъ діаметрально противоположныя вопли и мольбы враждующихъ сторонъ на искушеніе вѣрующихъ и на злорадный соблазнъ иновѣрныхъ и инородныхъ.

Но среди обдержавшихъ насъ бѣдъ и золъ, искушающихъ вѣру нашу и колеблющихъ наше душевное настроеніе, о нихъ же нѣсть нѣнѣ глаголати подробну, вѣрующее сознание христіанина удовлетворяетъ и положительныя, безтрудно *принимаемые* мотивы. Эти положительныя мотивы мы видимъ въ *позволеніи* — и въ *могучемъ* *ростѣ* самосознанія вели-

кой страны, въ пробужденіи ея силъ съ готовностію непокладной работы на благо общее, и въ прозрѣніи духовномъ относительно коренныхъ причинъ нашего русскаго внутренняго неблагоустройства, и въ безсомнѣнномъ чаяніи грядущаго во дни мирныя широкаго обновленія нашей родины не только въ отношеніи внѣшнемъ—политическомъ, социальномъ, культурномъ и экономическомъ, но только въ раскрытіи нашей временной жизни отъ чуждыхъ ей вліаній;— не объ этомъ теперь рѣчь. Мы хотимъ сказать, что некачественныя и безпримѣрныя по своей трудности испытанія нашей духовной мощи, производимыя всеѣмъ содержаніемъ переживаемаго военнаго періода, съ очевидностію отнимаю у насъ и обезцѣнивая все матеріальныя приобрѣтенія, для большинства русскихъ людей выдвигаютъ на первый планъ некрадомое богатство тѣхъ духовныхъ благъ, которыхъ ты не тлѣшь, воры не подкалываютъ и не крадутъ, удушающіе газы не умерщвляютъ и взрывчатые снаряды не уничтожаютъ. И въ то время, когда нельзя быть увѣреннымъ за завтрашній день, когда всякаго рода матеріальныя богатства распыляются почти мгновенно, когда обезцѣнилось наибольшее земное благо—жизнь человѣческая,—отрадно сознавать, что во владѣніи нашемъ—неотъемлемомъ и прочномъ остаются богатства духа, застрахованныя даже въ пору познанаго банкротства нашей физической личности. Наше тревожное сознаніе, напряженно ищущее себѣ нравственной опоры, въ трудные дни жизни несколько останавливается на идеѣ душевнаго спасенія, какъ самоудовлѣющемъ и радостномъ мотивѣ, единственно цѣнномъ, единственно осмысливающимъ нашу бренную жизнь, единственно неотъемлемомъ отъ насъ при всевозможныхъ колебаніяхъ нашей невѣрной земной судьбы. Все измѣняется на землѣ, а Небо—неизмѣнно. Все, приобрѣтенное нами за время земной жизни, остается на ея поверхности при окончательной ликвидаціи нашихъ земныхъ дѣлъ,—лишь духовныя приобрѣтенія, лишь душевное спасе-

ніе переходить съ нами за рубежъ тѣлѣнія, за предѣлы прѣра могильныхъ червей, и въ страші, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная, только душевное спасеніе даетъ намъ сладостную надежду быть не изгнанниками неба, быть не въ сонмѣ падшихъ духовъ, а—сожителами свѣтыхъ и присными Богу. Конечно, въ пору вѣтренной младости и даже въ пору зрѣлыхъ лѣтъ, когда жизненный процессъ и все впечатлѣнія бытія захватываютъ насъ почти всецѣло,—для идеи душевнаго спасенія остается въ нашей душѣ слишкомъ мало простора и на ея долю обычно назначается время преклоннаго возраста жизни, когда остается, собственно, не жизнь, а лишь прочее время живота нашего, которое мы, по молитвамъ нашимъ, хотимъ въ мирѣ и покаяніи скончати. Но тѣ блаженные пазбранники Божіи, которые издѣтства навываютъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, въ Богослужебныхъ нѣсполнѣніяхъ и дѣлїяхъ воспринимаютъ глаголы вѣчной жизни,—хорошо знаютъ и опытно укрѣпляютъ въ той спасительной мысли, что вѣчное поминаніе на судѣ Божіемъ и блаженное Богообщеніе вѣрующая душа воспринимаетъ не какъ вышнюю награду за свои земныя дѣванія, но и предуготовляетъ ихъ благочестивымъ подвигомъ добродѣтельной христіанской жизни, что къ загробной участи своей христіанинъ долженъ относиться не съ фаталистическимъ выжиданіемъ незаслуженнаго дара, но за все время своей жизни—со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвать. И въ пониманіи и жизненно-подвижническомъ воплощеніи этихъ пазбранниковъ Божіихъ *идея душевнаго спасенія* съ очевидностію мыслится и даже нами, недостойными созерцателями, малонскусными и лѣнливыми изслѣдователями ихъ усовершеннаго подвига, воспринимается, какъ *величайшее духовное благо* христіанина, какъ *самодовлѣющая радость жизни*, предъ которою блекнуть все радости земныя, ибо реализація душевнаго спасенія—еще въ строѣ и теченіи нашей земной треди даетъ намъ вкусить несков-

чаемое блаженство Богообщенія. Этотъ взглядъ и это настроеніе и духовное ощущеніе вѣчносннихъ совершителей своего душевнаго спасенія, какъ мы чувствуемъ, совершенно обособляется отъ тѣхъ сужденій и мнѣній, отъ тѣхъ рѣшительныхъ, хотя и мало продуманныхъ крылатыхъ словъ, которыми опредѣляютъ свое отношеніе къ дѣлу Св. Христовой Церкви и къ подвигу спасенія легкомысленные сыны вѣка сего. Кому изъ насъ не приходилось встрѣчаться со свободными и самозмышленными сужденіями мірекихъ, нечуждыхъ христіанства, людей по вопросу о загробной участи человѣка—„по дѣломъ его“: припятъ безъ возраженій вѣчное блаженство за гробомъ, въ чемъ бы оно ни состояло и какъ бы ни были минимальны основанія для его полученія,—судящіе обычно согласны; но идея вѣчности мученій грѣшника отрицается со всѣмъ жаромъ человѣка, чувствующаго инстинктивно какъ бы свою принадлежность болѣе къ этой категоріи, чѣмъ къ лику святыхъ людей. Идея вѣчности мученій грѣшника отрицается не только въ матеріальномъ представленіи ея осуществленія, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, но и въ смыслѣ несоотвѣтствія ея идеѣ Божественной благости и правосудія, и со стороны мнимаго нарушенія ея элементарной справедливости въ томъ отношеніи, что грѣховность *кратковременной* земной жизни карается *безсрочнымъ* наказаніемъ въ жизни вѣчной: обычный грѣшникъ, не чуждый угрызений совѣсти за измѣну Божественной воли, склоненъ еще понести наказаніе и очистить душу для вступленія въ вѣчность, но въ строгомъ соотвѣтствіи времени грѣховной преступности: годъ—за годъ, да еще съ надеждою послабленія и сокращенія сроковъ по милости Божіей, по молитвамъ Церкви, во вниманіе къ своимъ добрымъ дѣламъ и т. п.—Кому изъ насъ не случалось также встрѣчаться съ сужденіями о душевнспасительномъ подвигѣ и о всемъ вообще духовномъ дѣланіи и религіозно-нравственной жизни

подъ угломъ зрѣнія крайняго пессимизма и безотрадности, при которомъ забота о душевномъ спасеніи отнимаетъ у насъ все радости жизни и обращаетъ всю нашу жизнь въ юдоль плача, сѣтованій и страданій. Забота о душевномъ спасеніи перѣдко противопоставляется понятію жизни: если, говорить, всю жизнь заботиться о душевномъ спасеніи, то когда же жить, разумѣя подъ послѣднимъ, главнымъ образомъ, область плетской жизни и эгоизма.

Кому изъ насъ не случалось встрѣчаться и во внѣшней жизни я, даже иногда, въ собственномъ настроеніи съ чисто внѣшнимъ обрядовымъ пониманіемъ душеспасительнаго подвига. И если по пониманію отщепенцевъ Церкви въ ея распоряженіи не осталось ничего, кромѣ колоколовъ, свѣчей, парчи и ладона, то въ представленіи религиозныхъ обрядовъ въ этихъ то колоколахъ, свѣчахъ, парчѣ и ладонѣ, да въ утомительныхъ для грѣшной плоти поклонахъ и длинныхъ молитвахъ и тѣлесномъ постѣ съ оптическимъ масломъ и заключается вся суть душеспасительнаго подвига, и для достиженія блаженной вѣчности ничего болѣе и не нужно. И какъ перѣдко даже наше собственное настроеніе, тяготясь трудностями внѣшняго благочестиваго подвига, въ то же время секретно отъ нашей совѣсти все же надѣется на нѣкоторый зачетъ себѣ понесенныхъ для душевнаго спасенія трудовъ.

И какъ же далеко отъ этихъ обычныхъ сужденій, мнѣній и настроеній—христіанское настроеніе истинныхъ дѣлателей душеспасительнаго подвига, въ пониманіи которыхъ *идея душевнаго спасенія* мыслится, какъ неизблемая основа истинныхъ христіанскихъ утѣшеній, какъ *радость и величайшее благо нашей жизни*, а при такомъ пониманіи—и вся внѣшность Церковной жизни и христіанскаго душеспасительнаго подвига приобрѣтаютъ также радостный и, главное, духовный характеръ.

Великая и глубокая по своему значенію для нашей земной жизни, содержательная и радостная для нашего живущаго въ Богѣ духа, идея душевнаго спасенія, конечно, имѣеть тѣсную и неразрывную связь съ идеями Божества, духовности и безсмертія человѣческой души и съ непостижной, но безсомнѣнной для христіанскаго вѣрующаго духа, тайной искупленія рода человѣческаго Богочеловѣкомъ отъ узъ грѣховной гибели. И вмѣстѣ со всѣми указанными идеями, въ отношеніи деталей своего содержанія, обоснованности, продуманности, формъ и условій ея реализированія и воплощенія въ нашемъ жизнеоповеденіи, идеи душевнаго спасенія въ отдѣльныхъ человѣческихъ сознаніяхъ и настроеніяхъ обособляется и индивидуализируется въ зависимости отъ общаго состоянія, строя, уровня и направленія нашей религіозно-нравственной, да и вообще—духовной жизни.

Съ этой точки зрѣнія, *содержаніе идеи душевнаго спасенія и ея значимость* для строя и роста нашей духовной жизни сводится къ тремъ главнымъ типамъ ея выраженія. Этими типами являются: 1) идея душевнаго спасенія—въ привычномъ пониманіи вѣрующей массы, 2) идея спасенія—въ школьныхъ богословскихъ опредѣленіяхъ и 3) идея спасенія—въ отраженіи и послѣдовательномъ ростѣ нашей духовной жизни. Видѣвая эти типы для удобства теоретическаго опредѣленія трактуемаго предмета, мы, конечно, не хотимъ этимъ утверждать полной и непримиримой ихъ обособленности. Напротивъ, намъ хорошо извѣстно, что типичное пониманіе идеи душевнаго спасенія вѣрующей, но богословски необразованной и умственно мало развитой массой не остается безъ сильнаго подчасъ вліянія на нравственную жизнь послѣдней, и, даже еще болѣе,—для страдающей отъ безвѣрія и безнравственности, а потому и отъ крайней жизненной безотрадности свѣтской надменной своимъ просвѣщеніемъ толпы въ пору ея покаянныхъ исканій представляется наиболѣе истинной и, главное, наиболѣе доступной и осущес-

ствимой формой жизненного приложения идеи спасения, что, на наш взгляд, подтверждается необыкновенным успехом среди этой толпы разного рода религиозных простецов и энтузиастов.

Равным образом, видящая идею спасения в школьных богословских определениях в особый тип, мы этим отнюдь не хотим сказать, что в этом типе совершенно отсутствуют элементы религиозной традиции первого типа, или что принадлежность человека к этому типу религиозного жизненного понимания совершенно исключает в нем духовную жизнь и возможность несения на себя душеспасительного подвига. И наоборот, мы полагаем, что школьное уяснение идеи спасения, соединяясь с элементами традиционных духовно-питающих форм религиозно-нравственной жизни вводящих простецов, само по себе уже ставит школьно-богословствующего христианина на путь религиозно-нравственной жизни, уясняя для него повседневным наставлением: что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться.

Наконец, и третий тип жизненного выражения идеи спасения, характеризующийся преобладанием психологического элемента и религиозно-нравственной активности, ни в коем случае не обособляется от направления религиозно-традиции и не чуждается методов и содержания религиозно-школьного научения, но тому и другому придаетъ высшую жизненность и одухотворенность, присоединяя къ познавательной работѣ вводящего духа переживания подвижничества.

I. *Въ привычномъ пониманіи отрующей массы* идея душевного спасения имѣетъ, кажется намъ, наибольшую простоту, ясность и определенность. Не обнаруживая особенной пытливости слабо развитой мысли въ отношеніи вопросовъ религиозно-нравственныхъ и даже, не безъ нѣкоторыхъ значительныхъ основаній, считая такую пытливость грѣховною, вводящіе простецы имѣютъ весьма определенный взглядъ

на душевное спасеніе. Ихъ мысль, не обнаруживая стремленія къ непривычному и трудному анализу понятія о Богѣ, тѣмъ не менѣе безпреткновенно представляетъ себѣ Верховное Существо обитающимъ на небесахъ, въ содержаніи Его внутренней жизни считаетъ наиболѣе опредѣленными свойствами Его всевѣдѣніе, всемогущество, благодать и правосудіе, въ соотношеніи съ этими свойствами Божества построивъ и свое этическое міровоззрѣніе. Для вѣрующихъ простенцовъ тѣ положенія, которыя мы считаемъ необходимыми предпосылками душевнаго спасенія, являются совершенно безспорными: для нихъ авторитетъ Церкви, какъ выразительницы воли Божіей и посредницы между Богомъ и людьми, не подлежитъ сомнѣнію; законъ нравственный, съ различеніемъ грѣха и добродѣтели, имѣетъ опредѣленность, хотя и не чуждъ юридическаго элемента; церковныя времена и праздники регулируютъ жизнь внѣшнюю; душеспасительный подвигъ понимается, по преимуществу, но не исключительно, внѣшне, въ смыслѣ обрядовъ, поклоновъ, молитвенныхъ трудовъ, изнуряющихъ плоть, и въ относительной мѣрѣ механическаго воспріятія спасительной Божественной помощи чрезъ Св. Таинства и священные предметы. Наиболѣе удобнымъ и располагающимъ временемъ для устройства душевныхъ дѣлъ, по этому представленію, является старость, какъ время наибольшей отрѣшенности человѣка отъ мірекихъ обязанностей, какъ время, когда нужно, по народному выраженію, — „о душѣ подумать“, или — „душу спасти“. И нельзя сказать, чтобы практическое выраженіе этого настроенія обнаруживало въ человѣкѣ исключительно обрядовѣріе, ибо строгое отношеніе ко всей своей житейской внѣшности въ этихъ случаяхъ перѣдко соединяется съ рѣшительнымъ нравственнымъ переворотомъ и послѣдующей духовной сосредоточенностію и обособленностію отъ міра, неволью привлекающими къ нему любопытные или и^нсочувствующие взоры

тѣхъ, кто еще не находятъ силъ въ данный моментъ отрѣшиться отъ житейской скверны.

II. *Въ школьныхъ богословскихъ опредѣленіяхъ*, въ систематическомъ изученіи школьныхъ богословскихъ наукъ, столь потребныхъ для уясненія себѣ „единого на потребу“—душевнаго спасенія, намъ кажется, вниманіе человѣка сосредоточивается, по преимуществу, на теоретической сторонѣ трактуемаго вопроса, безъ достаточно глубокаго переживанія въ связи съ этимъ душевнаго процесса. Достаточно сильная и постоянная напряженность мысли въ отношеніи возбужденія вопросовъ, удачнаго и побѣдоноснаго ихъ разрѣшенія и, въ связи съ этимъ, возрастающей чуть ли не безграничной вѣры въ свои силы ослабляетъ вниманіе къ своей духовной жизни. Школьные уроки философіи и богословія даютъ духовное удовлетвореніе, и въ умственной атмосферѣ школы дышется легко. Конечно, мысль вращается въ эту пору въ опредѣленныхъ рамкахъ, но послѣднія кажутся въ то время достаточно просторными, и въ предѣлахъ школьныхъ вопросовъ и программъ все представляется яснымъ. На знакомые вопросы предлагаются готовые, привычные отвѣты, которыми мысль удовлетворяется. Свѣтлое царство идей, созерцаемыхъ умомъ; возвышенные идеалы, оцѣниваемые разумомъ при свѣтѣ идеи Божества и съ нею гармонирующіе, придаютъ этой высокой умственной и теоретической, по преимуществу, жизни обликъ полноты и всеобъемлемости. Вопросъ о соотношеніи высокихъ идеаловъ и задачъ съ состояніемъ подлинной жизни нашей какъ-то не возникаетъ въ ту пору въ нашемъ сознаніи со всею рѣшительностію. Если теоретики—школьные богословы въ эту пору и не чужды религіозно-нравственной жизни, то эта послѣдняя совершается въ особой сферѣ и на особыхъ основаніяхъ—не пытливаго ума, а традиціонной вѣры, вынесенной изъ родительскаго дома и питаемой богослужбынымъ строемъ, ученіемъ и благодатными силами Св. Цер-

кви, живыми примѣрами св. подвижниковъ и непоколебимостію дѣтски-честой вѣры простого народа. Воспитанные въ благочестивой родной семьѣ, оживляемые воспоминаніями о блаженныхъ минутахъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ дорогими людьми въ родномъ храмѣ, о трогательныхъ богослуженіяхъ Троицы постной и Св. Пасхи, о первой исповѣди и минутахъ религіознаго умиленія, конечно, и школьные богословы—и въ пору своего ученичества, и позднѣе—въ пору наставничества, охраняютъ себя отъ религіознаго и моральнаго индифферентизма, и дума о душевномъ спасеніи, жажда душеспасительнаго направленія жизни и подвига, жажда возрожденія и духовнаго возрастанія составляетъ далеко не послѣдній элементъ ихъ духовной жизни. Но, какъ мы видимъ, школьное изученіе вопросовъ спасенія въ данномъ случаѣ рѣшающаго и даже значительнаго смысла не имѣетъ, въ чемъ, безспорно, и заключается немалый его недостатокъ.

III. Совершенно иной характеръ, другое содержаніе и силу получаетъ *идея спасенія въ отраженіи и послѣдовательномъ ростѣ нашей духовной жизни*. Наши понятія объ окружающемъ мірѣ образуются въ связи и при условіи нашихъ наблюденій этого міра. Наши понятія о людяхъ образуются непременно при условіи нашего общенія съ ними и переживаемыхъ отношеній. Но наше пониманіе окружающаго міра зависитъ отъ степени нашей наблюдательности въ отношеніи къ нему, отъ остроты нашего внѣшняго зрѣнія, отъ силы и активности нашего вниманія и воспріятія, отъ уровня нашей обобщающей способности. Наше проникновеніе въ область человѣческихъ отношеній и наше пониманіе людей зависитъ не только отъ уровня нашей наблюдательности, вниманія и воспріятія, но и еще болѣе отъ степени развитія нашей умозаключающей способности въ связи съ состояніемъ нашей духовной—умственной и, еще болѣе, нравственной жизни. По мѣрѣ увеличенія въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ добра и справедливости, по мѣрѣ совершенствованія

и развитія нашей духовной личности—мы будемъ въ состояніи болѣе чутко замѣчать въ людяхъ проявленіе добра, міръ будетъ являть намъ бѣльшее количество фактовъ, подтверждающихъ Божественный Промыслъ и міроуправленіе. Люди, болѣе совершенные, подвигомъ своей жизни приближающіеся къ Богу, будутъ болѣе благодѣтельными, справедливыми и объективными и въ своихъ сужденіяхъ о ближнихъ, въ отношеніи къ которымъ нашъ личный эгоизмъ является, полагаемъ, главною причиною всякаго рода неправдъ и преступленій. Нравственное совершенствованіе проявляетъ наше духовное зрѣніе и дѣлаетъ его болѣе зоркимъ въ отношеніи къ соответственнымъ фактамъ, незамѣтнымъ для чувства и взора потемненнаго. Наоборотъ, нравственное паденіе и растлѣніе, или даже моральный индифферентизмъ принижаютъ точку зрѣнія челоука на явленія духовной жизни, дѣлаютъ его нечуткимъ въ отношеніи къ духовному бытію. Призванный по своей природѣ къ духовному совершенству и богоуподобленію, чуткій къ этому призыву челоукъ въ мѣрѣ своего духовнаго совершенствованія самъ опытно познаетъ духовный міръ и убѣждается въ глубокомъ значеніи этого познанія для своей нравственной жизни по тому внутренне переживаемому удовлетворенію, которое оно, въ связи съ обліемъ опытомъ подвижничества, вноситъ во всю нашу духовную жизнь—въ умственно-познавательную, сердечную и волевою сферу ея.

Наоборотъ, внутренне принижаясь и отдаляясь отъ совершенства, усвоивая себѣ порочное или хотя бы индифферентное направленіе жизни, челоукъ лишается способности *опытно* познавать духовный міръ, но умственно развиваясь, а въ практической жизни культивируя эгоизмъ и чувственность, погружаясь въ грубые и чувственные интересы,—сохраняетъ за собою способность лишь къ *теоретическому, отвлеченному* познанію духовнаго бытія и вопросовъ душевнаго спасенія, мало вліяющему на фактическій ростъ послѣдняго.

Сопоставленіе условій и результатовъ высненія идеи спасенія въ духовныхъ настроеніяхъ и умственномъ пониманіи людей второго и третьяго типа безспорно выявляетъ для насъ громадное преимущество и даже абсолютное превосходство въ этомъ отношеніи подвижнически-психологическаго метода. При названномъ сопоставленіи выясняется также причина разногласій, недомыслий и индифферентизма по вопросу о душевномъ спасеніи. Причина эта заключается въ уровнѣ нравственной жизни нашей. Каждый изъ насъ познаетъ тайну спасенія въ мѣрѣ нравственной жизни своей, въ той мѣрѣ, въ какой мы воплощаемъ спасеніе въ своей личной жизни, въ какой мѣрѣ мы совершаемъ свое душевное спасеніе и восстанавливаемъ первоизданную красоту нашего Богоподобія. По преимуществу—этическая, истина душевнаго спасенія разрѣшается и познается въ сферѣ нашей моральной жизни. При свѣтѣ вышеизложенныхъ сопоставленій для насъ становится яснымъ, что наилучшимъ методомъ для уясненія кореннаго вопроса нашей духовной жизни—вопроса о спасеніи является личный душевспасительный подвигъ, а за неполной и недостаточной опредѣленностію его первыхъ подготовительныхъ стадій и за неизбѣжною сомнѣніемъ въ целесообразности хода нашей жизни—обращеніе къ духовному опыту тѣхъ блаженныхъ мужей, которые опытно извѣдали и намъ грѣшнымъ вдохновенно передали духовное разумѣніе тайны душевнаго спасенія. Конечно, и этотъ послѣдній приемъ уразумѣнія вождельной тайны спасенія не ведетъ къ окончательному ея раскрытію, ибо она начинается, совершается и зрѣетъ при свѣтѣ и „немогущая врачуемомъ и оскудѣвающая восполняемомъ“ дѣйствіемъ Божественной благодати. Разсматривать же дѣйствія святой благодати въ душѣ, дѣлать его предметомъ теоретическаго изученія, по пониманію самихъ святыхъ подвижниковъ, небезопасно, и наилучшій, неописуемый источникъ названнаго изученія заключается въ нашемъ личномъ опытѣ, въ переживаніи въ своей душѣ ощущенія благодати. Какъ о дуповеніи вѣтра мы

узнаемъ лишь по его воздѣйствію на насъ, но не знаемъ, откуда онъ приходитъ и куда уходитъ, такъ и о свойствахъ Божественной силы, возвращающей въ насъ тайну спасенія нашего, мы знаемъ по ея дѣйствіямъ въ насъ, знаемъ по тому, что подъ ея дѣйствіемъ возникаетъ въ насъ каждая спасенія, озаряются нашъ умъ и сердце, устраняется наша теплехладность, и міръ весь представляется намъ книгой Божественныхъ откровеній, раскрываются наши природныя силы для Богопознанія и богоугодной жизни. Но нашъ личный опытъ бѣденъ и скуденъ; хотя наше пришествіе земное и продолжается, но не всегда въ параллели съ нимъ стоитъ нашъ духовный опытъ. Вотъ почему многократно и на нечеловѣческихъ основаніяхъ—намъ, въ стремленіи уяснить тайну спасенія и въ своемъ личномъ опытѣ положить начало ея воплощенію, необходимо усердное обращеніе къ тѣмъ избранныкамъ Божиимъ, которые въ своемъ духовномъ опытѣ извѣдали блаженство спасенія, воспламенялись любовію къ небесному, возгорались духомъ, возносились къ Божественному отъ земного.

Къ блаженному соуму этихъ избранныхъ Божіихъ, посвятившихъ свою земную жизнь на приобрѣтеніе жизни вѣчной и въ юдоли временности вкусившихъ сладость страны вѣчнаго обѣтованія, принадлежитъ, по нашему глубокому убѣжденію, Святитель Игнатій Брянчаниновъ, изображенію жизни и изложенію морально-аскетическихъ воззрѣній котораго посвящена представленная мною на судъ и вниманіе богословски-просвѣщеннаго общества книга.

Общее, но достаточно сильное представленіе о личности Епископа Игнатія Брянчанинова жило въ моей душѣ еще съ дней моего дошкольнаго дѣтства, когда изъ разсказовъ моего отца, въ глуши Вологодской губерніи, я познакомился и съ общимъ духовнымъ обликомъ фамиліи Брянчаниновыхъ, съ особенной религіозностію и усердіемъ ко храму Божию, добротою и отзывчивостію на пужды ближнихъ, широтою и сп-

лою природныхъ дарованій, хозяйственностію безъ жадности и эксплуататорства. Особо благоговѣйно и торжественно въ ту пору звучали для меня словесныя воспоминанія о подвижникѣ — епископѣ, вышедшемъ изъ рода Брянчаниновыхъ и, ради спасенія душевнаго, презрѣвшемъ славу и богатство тѣснаго міра. Воспринятое дѣтской душой впечатлѣніе подвижнически-спасительной жизни входило затѣмъ неоднократно въ содержаніе безхитростныхъ бесѣдъ съ вѣрующими и жаждущими святыхъ примѣровъ поселянами, которыхъ особенно удивляло и привлекало происхожденіе подвижника изъ стариннаго и богатаго барскаго рода.

Позднѣе, въ періодъ окончанія средней духовной школы въ Вологдѣ и прохожденія высшей богословской школы у Троицы въ академіи въ 1890—1895 г.г., мнѣ пришлось быть въ духовномъ общеніи съ очень многими почтенными людьми, по своей настроенности и духовнымъ интересамъ и строю жизни стоявшими на стезѣ подвижничества, а иногда и по происхожденію близкими къ жизненнымъ условіямъ Святителя Игнатія. Въ этотъ же періодъ установилось мое знакомство съ нѣкоторыми замѣчательными представителями Брянчаниновскаго рода, на примѣрѣ и изъ рассказовъ которыхъ я съ жизненною ясностію, хотя и недостаточно полно, представлять собѣ личность Святителя Игнатія. За этотъ періодъ мои духовные интересы и жизненныя стремленія были въ значительной мѣрѣ, въ особенности подъ вліяніемъ двухъ замѣчательныхъ и мною высоко чтимыхъ наставниковъ юности моей, сосредоточены на идеѣ подвижничества и ея жизненномъ выраженіи совмѣстительно съ беззавѣтнымъ служеніемъ общественному благу. Въ пору своего преподавательства въ Вологдѣ мнѣ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія на сѣверѣ пришлось многократно быть въ родномъ селѣ Святителя Игнатія—не съ цѣлію изученія, но по мотивамъ каникулярнаго отдыха. За это время, подъ вліяніемъ встрѣчи съ нѣкоторыми, особо религіозно настроенны-

мп членами Брянчаниновской фамилии и ихъ благоговѣйныхъ воспоминаній о подвижникѣ-родичѣ, у меня впервые возникла, хотя и не получила въ ближайшемъ будущемъ практическаго осуществленія, мысль о специальномъ изученіи личности Святителя Игнатія съ послѣдующимъ выраженіемъ его результатовъ въ особомъ богословскомъ сочиненіи. Мои жизненные и служебныя условія для осуществленія моего указаннаго намѣренія были весьма неблагопріятны до того момента, когда въ октябрѣ 1912 года, я, по великой милости Божіей, удостоень былъ призванія въ высшую богословскую школу въ занимаемомъ мною положеніи. Въ самый моментъ этого призванія, которое я услышалъ въ одиннадцатый часъ моего служебнаго дня, предо мною во всей силѣ явилась мысль объ осуществленіи моего давнишняго желанія въ отношеніи возможно обстоятельнаго изученія личности Святителя Игнатія и его воззрѣній. Къ осуществленію этого намѣренія я въ то же время и приступилъ съ благословенія глубокоуважаемаго о. инспектора академіи—Архимандрита Василія, нынѣ Преосвященнаго Ректора академіи. Съ этою цѣлью и ради оживленія впечатлѣній, я вновь побывалъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и прежде обителѣхъ Вологодскаго сѣвера, которыя имѣютъ отношеніе къ плоческому подвигу Святителя Игнатія, и на его родящѣ -въ селѣ Покровскомъ Грязовецкаго уѣзда Вологодской губерніи. Съ тою же цѣлью мною посѣщены Сергіева Пустынь—Петроградской губерніи, эта, по духу, направленію и облику донынѣ, по преимуществу, Игнатіева обитель, Ставрополь-Кавказскій—мѣсто архіерейскаго епархіальнаго служенія Епископа Игнатія, и Николо-Бабавскій монастырь Костромской епархіи—мѣсто послѣдняго земнаго упокоенія подвижниковъ-братьевъ Брянчаниновыхъ: Епископа Игнатія и монаха Павла,—достойный и замѣчательный памятникъ ихъ безкорыстія и подвижничества, служащій одною изъ достопримѣчательностей Поволжья. Значеніе этихъ поѣздокъ моихъ въ мѣста земнаго пребыва-

нія Епископа Игнатія—и въ отношеніи оживленія впечатлѣній, и со стороны ознакомленія съ архивнымъ матеріаломъ—весьма понятно, достаточно отмѣчено въ моей книгѣ и, въ виду краткости времени и изъ опасенія чрезмѣрно утрудить Ваше вниманіе, можетъ быть оставлено безъ дополнительныхъ поясненій. Съ особой и постоянной признательностію авторъ изслѣдованій о Епископѣ Игнатіи Брянчаниновѣ хранитъ благодарную память о родномъ племянникѣ Святителя—Сенаторѣ Н. С. Брянчаниновѣ, передавшемъ въ распоряженіе автора значительную часть семейнаго архива, благодаря чему возможнымъ оказалось существенное восполненіе матеріала для изображенія личности Святителя Игнатія и напечатаніе, съ разрѣшенія Н. С. Брянчанинова, нѣкоторыхъ, еще доселѣ неизданныхъ, сочиненій Епископа-подвижника.

При изученіи морально-аскетическихъ воззрѣній Епископа Игнатія я имѣлъ въ виду полное собраніе сочиненій Святителя въ изданіи И. М. Тузова и тѣ рукописные труды его, которые я въ подлинникѣ получалъ въ бумагахъ Сенатора Н. С. Брянчанинова, или нашелъ въ архивахъ Кавказской Консисторіи и Троице-Сергіевой Пустыни.

Общая и основная идея, которая руководила мною за все время моего труда, являлась для меня господствующею въ личности и воззрѣніяхъ Святителя Игнатія, есть идея душевнаго спасенія, какъ величайшаго блага и радости жизни христіанина. *Идея спасенія, какъ высочайшее благо и радость жизни христіанина*,—вотъ, по нашему мнѣнію, главная мысль всѣхъ твореній Святителя Игнатія, вотъ—главное содержаніе его подвижнически настроенной души за все немалое время его многоболѣзненной и многотрудной жизни, вотъ—господствующій тонъ его жизни и дѣятельности, его личности и морально-аскетическихъ воззрѣній.

Идея эта, вложенная въ природу человѣческую Богомъ, возрѣтая и усиленная въ душѣ Димитрія Брянчанинова святыми тайнами крещенія и миропомазанія, нашла свое выра-

Труды Императорской Киевской Дух. Акад. Т. I. 1916 г. 27

жение, очевидное для окружающих, еще въ пору его благочестиваго и чистаго дѣтства въ родномъ домѣ села Покровскаго, когда онъ сталъ живою совѣтїю для своихъ братьевъ и сестеръ, справедливо убѣжденныхъ, что все, что посовѣтуетъ Митенька, хорошо, а все, что онъ не одобряетъ, почему-нибудь да худо; когда его чистая и правдивая душа переживала святую радость Богообщенїя въ сосредоточенной молитвѣ подъ шумъ деревьевъ Брянчаниновскаго сада или подъ звуки церковныхъ пѣснощнѣй въ родномъ Покровскомъ храмѣ, и въ размышленїяхъ о томъ, какъ человѣку построить свою жизнь богоугодно, какъ спастись. Идея эта была главнымъ содержанїемъ духовной жизни Димитрія Брянчанинова въ пору его пребыванїя въ Военномъ Инженерномъ училищѣ, когда предъ испытующими вопросами жаждущей вѣчнаго спасенїя души его остались безотвѣтными многочисленныя науки земного мудрованїя, а излюбленное имъ чтенїе святоотеческихъ писанїй, благодатныя оупонїя святыхъ Таинъ церковныхъ и христіанскаго богослуженїя открыли для его духовнаго взора трудные, но и радостныя пути душевнаго спасенїя, научили его „земную жизнь проводить въ приготовленїи къ вѣчности, какъ въ преддверїяхъ приготовляются къ входу въ великолѣпныя царскїе чертоги“. Залонившая все содержанїе юной души идея спасенїя властно привела Государева любимца, Димитрія Брянчанинова въ 20-лѣтнемъ возрастѣ къ твердой и безповоротной рѣшимости встать въ число слугъ Христовыхъ, „оставить мїръ и земную жизнь посвятить для познанїя Христа, для усвоенїя Христу“.—Проникновенїе этой идеей дало силы Димитрію Брянчанинову съ воодушевленїемъ и радостїю перенести тяжелыя искушенїя его многотруднаго послушничества въ Александро-Свирскомъ монастырѣ и другихъ обителяхъ подъ суровымъ руководствомъ старца Леонида.

Идея душевнаго спасенія, какъ высочайшее благо и радость жизни, дала возможность Игнатію Брянчанинову перенести исключительныя невзгоды Сергіевскаго настоятельства, тяжести періода его архіерейскаго служенія на Кавказѣ и украсила и освѣтила несказаннымъ свѣтомъ его многоболѣзненную старость на покой земной чреды въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, доставивъ ему возможность проводить всю земную жизнь его „въ преддверія вѣчности, предъ Лицомъ Ожидающаго Бога“. Наконецъ, та же великая и многосодержательная идея, постепенно воплощаясь въ подвигѣ его земной жизни и въ благочестивомъ и богоугодномъ настроеніи его души, сообщила всей его духовной личности замѣчательную цѣльность и единство, особо привлекательныя для изслѣдователя его жизни и писаній и объединяющія въ одно цѣлое его дѣтство и юность, зрѣлость и старость, земное бытіе и блаженную вѣчность по дерзновенному упованію всѣхъ его читателей въ прошломъ и настоящемъ.

Идея душевнаго спасенія, какъ величайшаго блага и радости христіанской души, проникаетъ и всѣ его назидательныя писанія. Являясь естественнымъ плодомъ его жизни въ Богѣ, объединенныя съ подвигомъ его личнаго самоусовершенствованія и сосредоточенной и проникновенно-радостной молитвы, творенія Епископа Игнатія, при внимательномъ ихъ чтеніи, невольно захватываютъ настроеніе читателя, именно, тѣмъ, что они убѣдительно выясняютъ и утверждаютъ въ нашей душѣ ту многозначительную мысль, что самое высшее благо наше человѣческое заключается въ вѣчномъ спасеніи нашихъ душъ, что это благо непременно осуществляется въ подвигѣ и проникновеніи идеей спасенія нашей земной жизни и нашихъ даже мірскихъ дѣлъ, что при этомъ условіи наша земная жизнь пріобрѣтаетъ высшій смыслъ, что это, воплощаемое въ нашей жизни, спасеніе есть величайшая радость жизни, источникъ нашей духовной бодрости, высшій смыслъ всѣхъ нашихъ земныхъ дѣяній, наше без-

цѣнное преимущество, святой ореолъ на человѣческомъ челѣ. Знамя спасенія развѣвается надъ твореніями Святителя Игнатія, его слово всегда выходитъ подъ этимъ знаменемъ, возвѣщая миръ и Божіе въ людяхъ благоволеніе и, въ то же время, провозглашая войну съ врагами и враждебными спасенію условіями. Величайшая и глубочайшая духовно-питающая религіозно-нравственная поэзія очень многихъ твореній Игнатіевыхъ, какъ, напр., „Блаженъ мужъ“, „Странникъ“, „Судьбы Божіи“, „Фарисей“, властно охватываетъ душу читателя и влечетъ ее на пажити духовнаго питанія, на пути душевнаго спасенія. Но не въ этомъ ихъ преимущество. Они цѣнны для читателя не потому, что быстро и рѣшительно ставятъ его настроеніе на душеспасительный путь, не въ томъ, что охватываютъ душу читателя настроеніемъ восторга—быстраго, стремительнаго, но и скоро преходящаго и, при нѣкоторыхъ условіяхъ, по пониманію Святителя Игнатія, душевреднаго,—но въ томъ сила ихъ дѣйственности, что они будятъ въ душѣ покаянное чувство, даютъ зрѣніе грѣха своего, будятъ желаніе первоизданной чистоты и Богообщенія и побуждаютъ итти къ этимъ высокимъ и далекимъ для грѣшника цѣлямъ путемъ узкимъ—постепеннаго воздѣлыванія и перепаживанія духовной нивы, тѣмъ путемъ, которымъ шли въ жизни подвижники—братья Брянчаниновы: Епископъ Игнатій и монахъ Павелъ, почивающіе подъ свѣтію созданнаго ими величественнаго храма въ Николо-Бабаевской обители на берегу великой русской рѣки. Цѣнность въ этомъ, именно, направленіи твореній Святителя Игнатія свидѣтельствуется немалочисленнымъ рядомъ писемъ архипастырей Русской Церкви, полученныхъ мною по выпускѣ въ свѣтъ книги, посвященной блаженной памяти отечественнаго Подвижника. Его творенія читаютъ, ими назидаются и чрезъ нихъ спасаются люди благочестивые въ самыхъ разнородныхъ мѣстахъ—въ глуши далекаго сѣвера, въ рабочей средѣ Тульского оружейнаго завода, на нефтяныхъ промыслахъ

Кавказа и на св. горѣ Афонской. Выписавшій мою книгу, невѣдомый мнѣ инокъ Пантелеймонова монастыря на св. горѣ Афонской, въ письмѣ своемъ отъ 12 сент. 1915 года обнаруживаетъ глубокое и внимательное изученіе твореній Игнатіевыхъ съ вдумчивымъ при этомъ душеспасительнымъ размышленіемъ. Тотъ же инокъ сообщаетъ мнѣ письмо другого благочестивца къ нему, свидѣтельствующее на основаніи личнаго духовнаго опыта писавшаго, что „путь Пресвященнаго Игнатія безопасный и вѣрный, хотя и трудный для нашего ветхаго человѣка, любящаго духовныя сладости и убѣгающаго духовныхъ горестей... Покаяніе, сознаніе своей гибели, своей грѣховности, увѣренность въ томъ, что спасти можетъ Одинъ Іисусъ, вотъ, пишетъ онъ, путь правый для молитвы. А чуть далъ цѣпу своему подвигу, возмнилъ о себѣ, что моллишься съ успѣхомъ, я станешь незамѣтно мнимо-праведникомъ, спасающимся собственнымъ подвигомъ, а не Іисусомъ. Все это тонко и незамѣтно для насъ самихъ дѣлается. Пресвященный Игнатій учился у старцевъ Оптинскихъ—Леонида, Іоанникія и другихъ, учениковъ и послѣдователей великаго старца Паисія Величковскаго... Пресвященный Игнатій—великій столпъ истины нашего вѣка: въ дѣланіи духовномъ и въ дѣланіи молитвы всегда будутъ назидаться во спасеніе его книгами“. „Въ началѣ моего пути, на краю погибельной пропасти спасли меня въ Божь почивающей Пресвященный Игнатій и его книги, почему и благословляю теперь память его“.

О согласіи душенастроенія Святителя Игнатія и Оптинскихъ старцевъ немало говоритъ и слѣдующій случай. Въ 1902 году Начальникъ Оптинскаго скита о. Іосифъ прислалъ въ редакцію „Душеполезнаго чтенія“ письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: ... „въ библіотекѣ нашего скита хранится книга „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ Н. В. Гоголя, СПб. 1847. Къ книгѣ приложена на особомъ листѣ копія съ письма, въ которомъ высказанъ отзывъ о ея

содержаніи. Кто, именно, былъ авторъ письма и кому оно было адресовано, въ настоящее время, по прошествіи почти 50 лѣтъ, по неизмѣннѣ даннымъ, трудно опредѣлить. Копія съ письма переписана собственноручно старцемъ о. Макаріемъ. Поэтому можно заключить, что старецъ *вполнѣ раздѣляя* выраженный въ письмѣ отзывъ о книгѣ знаменитаго писателя. При продолжающейся неустойчивости и колебаніи русской мысли, упомянутый отзывъ не утратитъ значенія и для настоящаго времени. Если согласитесь съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, то покорнѣйше прошу не отказать, въ виду духовно-правственной пользы читателей „Душеполезнаго чтенія“, дать мѣсто въ семь журналь упомянутому отзыву“. Въ слѣдующемъ дагдѣ отзывъ о названной книгѣ Гоголя высказывается взглядъ на сущность душевнеспасительнаго настроенія, съ точки зрѣнія котораго авторъ отзыва приходитъ къ заключенію, что упомянутая книга Гоголя издаетъ изъ себя и свѣтъ и тьму, релігіозныя понятія Гоголя неопредѣленны, движутся по направленію сердечнаго вдохновенія, неяснаго, безотчетнаго, душевнаго, а не духовнаго. Книга Гоголя не можетъ быть принята цѣликомъ и за чистые глаголы истины. Тутъ смѣшеніе. „Желательнѣе“, заключаетъ авторъ отзыва о книгѣ Гоголя, „чтобы этотъ человекъ, въ которомъ видно самоотверженіе, причащилъ къ пристанищу Истины, гдѣ начало всѣхъ духовныхъ благъ. По сей причинѣ совѣтую всѣмъ друзьямъ моимъ по отношенію къ релігіи заниматься единственно чтеніемъ Святыхъ Отцовъ, стажавшихъ очищеніе и просвѣщеніе, какъ и Апостолы, и потомъ уже написавшихъ свои книги, изъ коихъ свѣтитъ чистая истина и которыя сообщаютъ читателямъ вдохновеніе Святаго Духа. Въ сего пути, сначала узкаго и прискорбнаго для ума и сердца, всюду мракъ, всюду стремнины и пропасти“¹⁾. Этотъ

¹⁾ Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Ф. М. Достоевскій и К. Н. Леонтьевъ предъ „старцами“ Оптиной пустыни. Москва 1902 г., стр. 2—6.

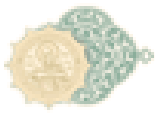
отзывъ о книгѣ Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, напечатанный въ „Душеполезномъ Читеніи“ за 1902 годъ, какъ отзывъ неизвѣстнаго автора, воплѣтъ, однако, раздѣляемый, въ свое время и нынѣ, старцами Оптиной пустыни и пивками-обитателями св. горы Аѳонской, при разборѣ мною имѣвшихся въ моемъ распоряженіи документовъ семейнаго архива Брянчаниновыхъ, оказался принадлежащимъ Святителю Игнатію и напечатанъ мною на стр. 120—122 „Приложеній“ къ книгѣ. Отзывъ этотъ интересенъ не только самъ по себѣ, какъ мнѣніе подвижника о знаменитой книгѣ Гоголя, имѣющей значеніе камня преткнанія для критики, но и еще болѣе въ отношеніи уясненія духовнаго метода совершенствованія человѣка въ пониманіи Игнатія Брянчанинова. Существенными чертами этого метода, какъ онъ выясняется вообще при изученіи личности и твореній Епископа Игнатія, являются вдумчивое изученіе св. Отцовъ и личный покаянный подвигъ въ согласованіи своей жизни внѣшней и внутренней съ благодатнымъ руководствомъ Святой Православной Церкви. Положенія эти, безспорно хорошо извѣстныя православно-христіанскимъ богословамъ, въ твореніяхъ и жизни Святителя Игнатія оживотворяются и одухотворяются и изъ предметовъ и вопросовъ теоретическаго познанія становятся истинами жизни: знаніе и выраженіе въ опредѣленныхъ понятіяхъ основъ, путей и средствъ душевнаго спасенія сливается съ внутренней жизнью богословствующаго подвижника и становится психологіей душевнаго спасенія, являемой дѣломъ и истиною жизни его, тѣмъ самымъ вызывающая соответственныя настроенія и въ душѣ изучающаго читателя.

Авторъ представленной на свисходительный судъ богословски-просвѣщеннаго собранія книги, посвященной блаженной памяти Епископа Игнатія Брянчанинова, полагаетъ главной задачей своего труда изображеніе психологіи душевнаго спасенія на основаніи изученія личности и твореній самобытнаго русскаго богослова-подвижника, въ твореніяхъ его

хотѣлъ найти живое указаніе путей спасенія и источникъ душеспасительныхъ переживаній, а въ личности Святителя Игнатія—представить безсмертный примѣръ согласованія земной жизни человѣка съ небесными и посмертными дѣлами его бытія, сообщающаго дивную гармонию сочетанію земного и небеснаго, дающаго жизни земной и нашимъ мірскимъ дѣланіямъ высшій смыслъ и одухотворенность. Проникнутая и осмысленная идеей душевнаго спасенія земная жизнь человѣка дѣлается радостною, а сама спасительная идея эта, послѣдовательно проводимая въ жизнь, проникающая всѣ духовныя переживанія и внѣшнія жизнепроявленія человѣка, становится величайшимъ благомъ и радостію жизни его, предъ которыми смягчаются невзгоды и лишенія бытія тѣлеснаго и скоропреходящаго, уменьшаются радости плоти и физической личности съ безмѣрно цѣннымъ возмѣщеніемъ этого уменьшенія приобрѣтеніемъ богатства неисклываемаго и радостей нескончаемыхъ и ненавѣтующихъ уже никакою скорбію.

Со стороны уважаемыхъ оппонентовъ, усердно и самоотверженно рецензировавшихъ нынѣ представленный на сужденіе Высокаго Собранія трудъ о Святителѣ Игнатіи, авторъ ожидаетъ снисхожденія къ погрѣшностямъ невѣдѣнія и недосмотрамъ немощи человѣческой, дерзновенно свидѣтельствуя въ то же время предъ ними, что Святитель Игнатій Брянчаниновъ и его дивныя творенія были главнымъ содержаніемъ духовной жизни автора за минувшее двухлѣтіе его напряженнаго и непрерывнаго труда, и за это время онъ, по милости Божіей, склоняясь надъ страницами твореній Игнатіевыхъ и размышляя о нихъ и о личности этого великаго подвижника, дѣйствительно, видѣлъ, сознавалъ и чувствовалъ, что душевное спасеніе есть величайшее благо и радость жизни православнаго христіанина, въ уясненіи этой идеи и условій ея жизневоплощенія полагалъ свою трудную, но и радостную и душевнелгтающую задачу.

Леонидъ Соколовъ.

Древне-христiанскій писатель Арнобій и его апологiя христiанства (*Adversus nationes*).¹⁾

Историко-литературный очеркъ.

V. Источники апологiи Арнобiя.

Въ своей апологiи Арнобiй обнаруживаетъ обширную эрудицию. Онъ дѣлаетъ ссылки на произведенiя многочисленныхъ греческихъ и римскихъ писателей и на многiе другiе памятники письменности, имѣющiе отношенiе къ греко-римской религiи, мифологiи и культурѣ. Такъ, имъ цитуются Платонъ и въ частности его диалоги Менонъ, Политикъ, Тевтетъ, Тимей, Федонъ и Федръ (I, 5 и 8; II, 7, 9, 10, 13, 14, 24, 34, 36, 52 и 64; IV, 16), орфики (V, 19 и 26), Эвгемеръ и его школа (IV, 29), стоики Хризипъ, Зенонъ и Панетiй (II, 9); Эпикуръ и эпикурейцы (II, 9 и 30), представители средней и новой Академiи—Аркезилай и Карнеадъ (II, 9), Теренцiй Варронъ (II, 38—41; IV, 3, 14; VI, 3, 6, *11, 23; VII, 1 и 2), Нигидiй Фигуль (III, 32, 40, 41), Цицеронъ (III, 6 и 7; V, 38), Лукрецiй, который одинъ только разъ называется по имени (III, 10), во нѣкоторые аргументы (какъ, наприм., противъ абсолютной неразрушимости души) и даже выраженiя котораго встрѣчаются въ апологiи²⁾, Ахеронтскiя и другiя свя-

¹⁾ См. „Труды Импер. Кiев. дух. Акад.“, февраль-мартъ 1916 г.

²⁾ См. *Röhrich*. Die Seelenlehre des Arnobius. Hamb. 1893, S. 2—21.

ценныя книги грековъ и римлянъ (II, 62; III, 40; IV, 18; V, 5; VII, 47). Это были, повидимому, главные источники Арнобія. Къ числу главныхъ источниковъ его относятъ большею частью также сочиненія Корнелія Лабеопа, изъ которыхъ Арнобіи будто бы заимствовали большую часть свѣдѣній о религіи и культѣ римлянъ и котораго онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду, ведя борьбу противъ неоплатонизма¹⁾. Но такъ какъ Арнобіи ни разу не упоминаетъ о Лабеопѣ и болѣе или менѣе точное сличеніе сочиненій послѣдняго съ апологіей Арнобія невозможно, потому что они не сохранились и известны намъ только по весьма немногимъ отрывкамъ по указаніямъ, большею частью неопредѣленнымъ, нѣкоторыхъ писателей (блаж. Августина, Макробія, Сервія, Лида), то это мнѣніе слѣдуетъ признать лишь гипотезой, которая скорѣе можетъ быть отвергнута, нежели быть признана вѣроятной²⁾. Кромѣ указанныхъ Арнобіемъ цитуются также весьма многіе другіе философы, ученые, историки, поэты и т. под., какъ Аполлodorъ (IV, 25), Аристотель (II, 9; III, 31), Валерій Антискій (V, 1), Гезіодъ (III, 37), *Гораклитъ* (II, 9 и 10; V, 29), Гомеръ (IV, 25), Граній (III, 31, 38 и 39; V, 18; VI, 7), Демокритъ (II, 9 и 10), Диогоръ (IV, 29), Еврипидъ (VII, 33), Клодій (V, 18), Корнифицій (III, 38 и 39), Кратесъ (III, 37), Кроній (II, 10), Ктесія (I, 52), Люцилій (II, 6; V, 18), Манлиій (III, 38 и 39), Нуме-

¹⁾ См. *Kettner*. Corn. Labeo, Naumb. 1878; *Röhrich* loc. cit. p. 30—42; *Niggeliet*. De Cornelio Labeone, Münster, 1908.

²⁾ Такъ Рейффершейдъ и Бурешъ признаютъ рассматриваемое нами мнѣніе несостоятельнымъ (см. *Schanz* loc. cit. pp. 192 et 444—445); Веснеръ считаетъ за вѣроятную гипотезу (Berlin. Philog. Wochenschr. 1910, № 18, S. 538), Барденгевверъ также лишь за догадку (*Bardenhewer* loc. cit. p. 467, annot. 1); Эргардъ говоритъ, что невозможно доказать, что Лабеопа дѣйствительно былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для Арнобія, потому что всѣ сочиненія Лабеопа утрачены (*Ehrhard*. Die altchristl. Litterat. und ihre Erforschung von 1884—1900, Freib. 1900. S. 483). Подобнаго рода взглядъ выражаетъ и Мейзеръ (*Meiser* loc. cit. p. 9).